

и отец забрал маму в Горький, куда к тому моменту перевели его воинскую часть. Размещалась воинская часть в кремле. Там же, в кремле, отцу дали 17-метровую комнату на первом этаже здания, где сейчас проходят заседания Нижегородской Думы. Вход в кремль был по пропускам. Отец был шофером и возил командира воинской части.

18 августа 1934 года в роддоме на улице Фигнер родилась я, и меня принесли домой, в кремлевскую комнату. Отец прослужил три года, демобилизовался и получил восьмиметровую комнатку на улице Фигнер, в подвале, окно в земле. Потом родители поменяли ее на комнату в Крыловском переулке, на третьем этаже, над парадным. В дом поднимались по железной лестнице, поэтому грохот стоял такой, как будто конница идет на параде. Комната была угловая, стена зимой промерзала, покрывалась снегом и льдом. Печку голландку еле топили, дров не хватало, но комната была светлая, с двумя окнами.

Началась Финская война, и отца взяли на фронт. Мама работала в швейной мастерской, шила обмундирование для фронта. Я ходила в детсад. Вернувшись с войны, отец устроился шофером на завод имени Ульянова. Приехал в Горький папин брат Петр Степанович, женился, пошел работать шофером на машиностроительный завод.

Но грянула Великая Отечественная война. Мужчины пошли на фронт защищать свою Родину и ковать победу над врагом. Брат отца Петр Степанович прошел всю войну, дошел до Берлина и с победой в 1945 году вернулся домой. Он имел награды Великой Отечественной войны. Другой брат отца Александр Степанович был ранен на фронте, попал к немцам в плен в Германии, но остался жив.

Три маминых брата Лукъянчиковы погибли на фронтах Великой Отечественной войны.

Лукъянчиков Николай Антонович, ефрейтор – мотоциклист 3-го Украинского фронта, в 1943 году награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Погиб и захоронен в Днепропетровской области 23 сентября 1943 года. Второй брат Лукъянчиков Архип Антонович, рядовой, погиб в декабре 1942 г.,



Супруги Гурьяшкины с дочкой Алей. 1940 год

похоронен в Ростовской области. Василий Антонович пропал без вести в январе 1943 года.

Мой отец ушел на фронт в июне 1941 года. На Курской дуге был старшиной взвода обеспечения 2-ого танкового батальона 236 танковой бригады. Но 27 декабря 1942 года был осужден военным трибуналом по статье 58-10 ч. 2 УК РСФСР. Приговор – 10 лет. Реабилитирован 31 января 1998 г. Об этом есть сведения в Книге памяти Ульяновской области.

Отца сослали в Свердловскую область на строительство металлургического комбината. О том, почему его осудили, отец никогда не рассказывал, но как-то обмолвился, что осужден по доносу. Даже на фронте честность и принципиальность устраивали не всех командиров. Отец отвечал за продукты и не давал их использовать командиру в личных целях.

Во время ареста отца мне было 8 лет, я училась в 1-ом классе. Изредка мы получали от отца письма, некоторые перехватывала соседка из соседнего дома, она работала домоуправом. Маму, отца, меня подвергали унижениям и оскорблениям.

Сколько мы слез пролили, сколько пережили!

Горький бомбили, а напротив нашего дома – керосиновая лавка. Мы боялись, если попадет горячий осколок в лавку, все взлетит.

Мама работала в швейной мастерской. Шили все для фронта до поздней ночи. Дома было холодно и голодно. Я несколько раз угорала до полусмерти от печки голландки: рано закрывала, чтоб не уходило тепло. Как-то зашла к нам мама одноклассницы и сказала: «Как вы здесь в такой конуре живете? Я бы не смогла». Я спала на детской кровати, а к ногам подставляли табуретку.

В заключении отец упал со строительных лесов, был при смерти, ему делали операцию. Когда его спросил врач: «Кто у тебя есть?» – он ответил: «Дочь». «Как ее зовут?» Он сказал: «Не знаю». «Что ты хочешь перед смертью?» Отец прошептал: «Поесть». И ему дали поесть.

Отпустили отца в 1949 году, домой он приехал неузнаваемым, больным человеком: кожа и кости. Но он думал: «Я еще поживу». В Горьком опять была операция. Мама покупала простыни, красила их, шила телогрейки и продавала на рынке, чтобы поддержать папу, поставить на ноги. Немного поправившись, отец пошел работать в гараж, сначала подсобным рабочим, а потом шофером.

В 1952 году я окончила школу. Помогала мне по математике Ира Шаманина, как я позднее узнала, тоже реабилитированная. В 1952 году я поступила на естественно-географический факультет педагогического института. Окончила в 1957 году, поехала по направлению в деревню Бураново Калманского района Алтайского края. Работала учителем биологии, географии, труда – у девочек. Там электричества не было, занимались с керосиновыми лампами, которые висели на стенах. Баня по черному. Один раз в месяц привозили передвижку, показывали кино в клубе. Хозяйка, у которой я жила, говорила: «Вас что, в ссылку послали после института?». Тут действительно жили бывшие ссыльные немцы Поволжья, хохлы – украинцы. Хлеб негде было купить, его не продавали, в кооперации муку нам

продали только к Октябрю. Я просила у хозяйки, чтобы разрешила вместе с ними питаться за деньги. Она мне ответила: «Ты слишком много ешь». Я ей отдала муку, которую нам продали, и она мне на неделю пекла каравай. В школе осенью на пришкольном участке нарыли картошки. Директор школы разрешил мне принести картошку домой. Продавец кооперации иногда продавала мне яйца. Покупала молоко, консервы. Мясо продавали только по полтуши или увозили в магазин в Барнауле. Работали на току, убрали зерно ночью. Часто зимой дули темные бураны по несколько дней: в двух шагах ничего не видно. За водой на колодец не ходили, топили снег. В школе, как задует буран, отпускали детей домой.

В районном селе Калманка работали две наших учительницы, с которыми мы вместе приехали. Там все можно было купить на рынке, в магазине. Иногда я ездила к ним на воскресенье. Однажды приехала я, а тут подул темный буран. Надо возвращаться. Мне сказали, что поедет «черный ворон» для тюремщиков, пустой, у него на колесах цепи. Мы упрасивали шофера, чтобы он нас довез за любые деньги. Кто поехал за решеткой, кто рядом. Добрались.

Весной у школы я с ребятами посадила кустарники ягод, саженцы плодовых деревьев. Ездила за саженцами в Барнаул.

Потом я вернулась домой в Горький. Пока меня не было, родители поменяли старую комнатку на комнату в Школьном переулке – 12 кв.метров, даже с общей кухней, тут же был теплый коридор и туалет, но отопление тоже печное. Мама привезла из деревни бабушку. У папы от гаража стали строить дома. Их называли «народной стройкой». Отцу обещали выделить на четверых однокомнатную квартиру. Тогда мама собрала документы о погибших бабушкиных сыновьях и пошла в Нижегородский райком партии к секретарю. Тот приказал начальнику гаража выделить деньги на строительство трехкомнатной квартиры. Но в доме были запланированы только двух- и однокомнатные. Стали мы ходить на строительство после работы. Строили дом три года, и в декабре 1962 года въехали в двухкомнатную квартиру с кухней, туалетом, прихожей на улице

Юбилейной, на первом этаже. Мы целовали стены от счастья. Я смогла устроиться на работу в школу, сначала старшей пионерской вожатой, потом получила часы географии. Летом работала в пионерских лагерях тоже старшей пионервожатой.

Вышла замуж. В 1967 году родилась дочь. Муж из детского дома: мать умерла, отец погиб на фронте. Муж окончил техникум, работал на Автозаводе, летом работал на строительстве свинарника, санатория. Однажды сгружали кирпичи, и когда муж нагнулся поднять кирпич, его стукнули бортом машины по спине, отбили ему легкие, и он умер. Дочь окончила школу с золотой медалью, поступила в институт и получила красный диплом. Работает. Вышла замуж. У меня два внука, учатся в институтах. Старший в молодежном парламенте принимает участие в заседаниях Нижегородской Думы. Младший ездил волонтером на олимпиаду в Сочи.

Мой отец писал несколько раз в Москву, в Министерство обороны СССР, просил о пересмотре его дела. 19 марта 1990 года он умер. А 31 января 1998 года его реабилитировали.

Я работала в школе сорок два года и в 2000 году ушла на пенсию. За годы работы имела благодарности и поощрения. Ветеран труда.

Горжусь, что всю жизнь мы боролись за честность и справедливость!



## Надежда Николаевна ЖИЛЬЦОВА

В конце 1960-х годов я училась на филологическом факультете Горьковского госуниверситета. Познакомилась со студентом Владимиром Жильцовым, который давал мне читать роман Александра Солженицына «Раковый корпус» и статью Андрея Сахарова. В то время они считались запрещенными и публиковались в самиздате. Владимир с другом распространял листовки, где ввод советских танков в Чехословакию назывался оккупацией. Когда любимого дружка (а я уже успела в Жильцова влюбиться) со сломанной ногой неизвестные люди отвезли в институт травматологии и в комнате общежития произвели обыск, я достала белый халат и пробралась к нему в палату. В следующий визит врач сказал мне, что пациент выписался и уехал на родину. В Рязанскую область, без копейки денег, но с гипсом на ноге! Лихо, и в разгар дипломной сессии. Я отправилась в КГБ. Следователь категорически отверг причастность организации к исчезновению загипсованного студента, несмотря на то, что в коридоре висела стенгазета с заголовком «Чекист не должен лгать». На что и было мною чекисту указано.

Друг обнаружился в той же тюрьме напротив университета, откуда в 1935-м году писал письма Сталину мой отец. Моему избраннику присудили четыре года за «антисоветскую деятельность», меня исключили из комсомола и университета за «поведение, недостойное звания советского студента», выразившееся в доносе, а также за ерничанье по отношению к следствию. В таком суровом месте – на Воробьевке<sup>2</sup> – оказалось неожиданно

много смешного. Слезы хлынули потом, в кабинете профессора Кузьмичева, у которого я должна была защищать дипломную работу. Он переждал время, а потом сказал тихо и внятно: “Поверьте мне, все проходит, пройдет и это. Когда-нибудь вы будете смеяться над тем, над чем сегодня плачете. Вот увидите, все будет хорошо”.

Я поехала по распределению в Среднюю Азию без диплома, которого с меня никто не спросил. В кишлаке о Советской власти знали понаслышке, школьники до декабря собирали хлопок, потом отмечали многочисленные байрамы и туи, по-русски не понимали ничего. На уроках девочки вышивали женихам, заплатившим за них калым, платки, а мальчишки, пока еще свободные, кидались тубетейками. Поскольку меня в школу отправили зарабатывать “положительную характеристику”, я ее и попросила у директора через год. Он силенка понять зачем, но не получилось. Тогда я сочинила ее сама, а он с облегчением расписался.

Студент (Владимир Жильцов – прим. ред.) по статье 70 (антисоветская деятельность) отбыл назначенные годы в мордовских лагерях, перезнакомился с цветом русской интеллигенции, стряхнул с себя остатки коммунизма, стал отцом моих четверых детей и был реабилитирован при жизни. А я без осложнений защитила диплом. Работала в школе, а в годы перестройки – журналистом в нижегородских газетах. О своем отце Николае Андрееве, репрессированном в 1930-е годы, я написала рассказ «Прощание». Вот фрагмент из этой документальной новеллы.

«... В 35-м году народ не сильно разбирался в том, кто кого любит, и сам любил всякие открытые процессы. В те фантастические годы можно было заснуть в полной уверенности, что ты разоблачитель промпартии в цехе бумагоделательного гиганта индустрии, а утром в газете “Нижегородская Коммуна” прочитать невероятное: ты троцкистский последыш. Статья так и называлась.

---

<sup>2</sup> В то время улица Воробьева, на которой находилось здание КГБ. Сейчас это Малая Покровская улица

Дальнейшие рассветы папа не родившейся еще дочери будет заставлять в Нижегородской тюрьме. В Красноярском лагере он на правах бригадира будет воспитывать кулацких недобитков. Впоследствии он поймет, что именно этот воспитательный процесс и подразумевала партия, направив его на лесоповал. Социально далекие элементы, глядя на длинношеего бригадира, валящегося в снег от усталости, уразумевали наконец, что такое коммунистический труд. С начала войны трудотерапия в зоне еще посурела и совсем перестала сочетаться с едой...

Краслаговский стан совпал с окончанием войны, и отбывший наказание троцкист вернулся долгой. Знакомые, оставшиеся в живых победители фашизма при встрече переходили на другую сторону. Сестра врага народа удалялась с комсомольских собраний. Жена умерла, пока он учитывал сибирские бревна. Маленький сын тоже умер. Десятилетняя дочь грустно смотрела на чужого дядю.

Народ снова начал жить, и возвращенный Николай женился на маленькой хохотушке, которую разумные товарки предупреждали, но ей не было страшно. Родившаяся девочка не спала ночами, и отец самозабвенно носил ее до утра по темной осенней улице. Когда жена в разгар какой-то ссоры увезла девочку в Городец к своей сестре, он пошел туда по замерзшей Волге. Пятнадцать километров в ботинках. Простудился не он, а дочь, и он мазал чирьи на ее попке дегтярной мазью. Он учил вместе с ней стихи Маяковского и рассказывал о мире во всем мире. Портрет Ленина со Сталиным в Горках висел над ее кроватью.

Хрущевское послабление вернуло отца в строй вместе с дорогим партбилетом. Это смягчило удар от ошибок Сталина и от ухода жены вместе с дочерью. Дальше я росла отдельно от его борьбы. Когда иногда забегала к нему перехватить десятку или бросить коньки по пути в кино, он сидел за столом и писал. Писал сменяющимся генеральным секретарям в ЦК КПСС, в Политбюро, в Верховный Совет, в газету "Правда", в журналы "Человек и закон", "Трезвость и культура». На партсобраниях он критиковал бюрократизм, взяточничество, использование



отдельными коммунистами служебного положения в личных целях, развивал мысль об озеленении города и асфальтировании дорог. Реабилитированный при жизни, он ждал денежную компенсацию, выделенную демократами в качестве расплаты за грехи предшественников. Отец собирался определить их на большое дело, пока же, не смирившись с запретительным Указом Президента, посылал партвзносы в газету “Правда”. На восстановление порушенной организации. Чтобы дожить до этого, он решился на операцию и лег в больницу. Тогда он уже был неизлечимо болен.

Незадолго до смерти отец сказал, что хочет завещать “сибирские” деньги моему сыну, что немало меня озадачило. Всю жизнь к материальным выражениям бытия отец относился равнодушно, если не презрительно.

— Я хочу, чтобы на эти деньги мой внук написал исследование о жизни и деятельности Фридриха Энгельса, — сказал мой отец...

И все-таки я хочу, чтобы суд над партией не состоялся. Более того, пусть ее восстановят. Я хочу, чтобы старые коммунисты дожили век в своей компании. Иначе им просто очень тяжело умирать. В последние дни отец почти не разговаривал, он сидел у окна и смотрел на проходящих мимо людей. На прощание он сказал мне:

— Я помню, как носил тебя по этой улице на руках, а ты никак не хотела засыпать. Такое счастье...»



## Майя Станиславовна КАЛИШ

Мой отец Станислав Владиславович Валенчевский родился в 1889 году в Польше, в Варшаве. По профессии инженер – мостовик, он строил мосты по всей России. В Горьком был с 1930 года (или раньше). В 1937 году был арестован как враг народа, т.к. первый Канавинский плашкоутный мост, начальником строительства которого он был, дал трещину. Почти два года он просидел в подвале НКВД. Вышел в 1939 году со сломанным ребром, абсолютно седой, очень нервный и раздражительный. Получил путевку в крымский санаторий для поправки здоровья. Вновь стал начальником строительства Канавинского моста. Когда отца арестовали, мою мать выгнали из партии, из комвуза, и всю семью с тремя детьми выселили из трехкомнатной квартиры в полуподвальную однокомнатную квартиру на углу улиц Воробьева и Краснофлотской – с печным отоплением, без удобств, с туалетом во дворе. Но после реабилитации отца нашей семье дали сначала двухкомнатную квартиру на Автозаводе, но затем, когда семья увеличилась (я вышла замуж, у меня было двое детей), моей маме дали трехкомнатную квартиру на Совнаркомовской улице, в которой я сейчас и живу с внуком и дочерью.

В 1939 году после лечения отец был назначен начальником строительства моста в городе Чкаловске. В 1940 году он работал в Москве. В 1942 был направлен в город Алексин Тульской области для восстановления моста через реку Оку, необходимый

Валенчевский Станислав  
Вячеславович, 37 лет  
с дочкой Майей, 2 года



для продвижения наших войск в направлении Германии. Через год семье сообщили, что отец погиб, и вызвали маму на похороны. Мы приехали в Москву втроем (мама, жена старшего брата и я). Мне было десять лет. Но в Москву пришла телеграмма, что вывоз тела Валенчевского невозможен, и нас отправили в город Алексин. Заместитель отца вначале сказал, что после бессонных ночей отец рано утром пошел на мост проверить строительство, провалился между шпалами на лед реки (это было в марте 1943-го) и погиб. Но когда мы пошли на мост, то поняли, что взрослому человеку невозможно провалиться между шпалами, и тогда этот же заместитель признался, что отца сбросили с моста. Все строители жили в мостопоезде, в одном из вагонов которого стоял гроб отца.

В день похорон из Москвы прилетела делегация. Хоронили отца с воинскими почестями, с салютом. Нам сказали, что на месте захоронения будет установлен памятник. В 1970 или 1972 году мы с мужем ездили в г. Алексин на могилу отца (я хорошо помнила место захоронения), но памятника там не оказалось. В конторе этого кладбища мне сказали, что на новом кладбище установлен монумент всем погибшим и жертвам репрессий в г. Алексин. И действительно, памятник стоит, и на нем выбита фамилия моего отца.

Моя мать Анна Васильевна родилась в 1902 году. Вместе со своим первым мужем во время Гражданской войны была на фронте. После возвращения он рано умер, и мама осталась с



Карклин Анна Васильевна, 25 лет

двумя детьми. Через полтора года вышла замуж за моего отца. Она была чекистка, коммунистка, работала секретарем у А. Жданова. Умерла в 1975 году, ее хоронили с почестями, как коммуниста.

Я родилась в Горьком в 1933 году. Закончила с отличием факультет английского языка Горьковского института иностранных языков и была направлена в город Ишим Тюменской области, где работала преподавателем английского языка в школе и институте. Однако через год по состоянию здоровья матери вернулась в Горький и преподавала английский язык студентам вечернего факультета и работникам Совнаркома в университете имени Лобачевского, а затем 40 лет работала переводчиком в патентном отделе 23 ФС (завода фрезерных станков). Уйдя на пенсию в 1995 году, работала переводчиком на «Радуге Поиск» (пейджинговая связь) с 1997г. по 2004 год.

У меня двое детей – сын и дочь. Они окончили Горьковский политехнический институт. Дочь работает в «Билайне». Получив второе высшее образование и сертификат курсов английского языка, занимает должность руководителя по работе с персоналом регионального управления.

Сын окончил радиофак и работал в НИИСУ, но в марте 1986 года институт закрыли, а в мае этого же года умер мой муж. Он всю жизнь работал на автотранспорте, и в последние годы жизни был замдиректора Горьковского трансгентства. Ему, как ветерану автотранспорта, должны были в конце мая дать новый кузов к нашей старой «Волге», но, естественно, после смерти не дали, и мой сын с отличным дипломом радиофака, оставшись без работы, стал ремонтировать кузов нашей «Волги». А потом, к большому сожалению, ремонт автомобилей стал его работой, т.к. радиопромышленности не стало.

Имею двух внуков. Внучка окончила Высшую школу экономики, а внук – Технический университет.

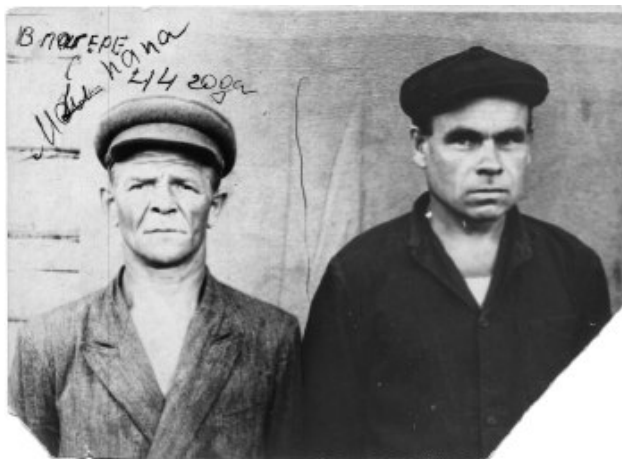
Лет пять тому назад ко мне пришла женщина из областного архива и сказала, что на Канавинском мосту планируют установить мемориальную доску в память моего отца как начальника строительства. Она попросила все документы и материалы об отце, которые у нас были, обещав их потом вернуть. Документы мне не вернули, и никакой доски до сих пор на мосту нет. Надеюсь, что когда-нибудь это все же случится...

---

## Галина Петровна КИРИЧЕНКО (МОРДВИНОВА)

Мой отец Мордвинов Петр Васильевич родился 10 октября 1906 года в деревне Скучиха Пильнинского района Горьковской области. Воспитывался с мачехой в многодетной семье, получил 4 класса образования. Мама жила в этой же деревне, у нее было пять сестер. Там они с папой и поженились. В 1928 году у них родился сын Виктор. В 1929 году они переехали в г. Горький, жили на частной квартире. Папа работал разнорабочим на нескольких работах, потом устроился на машиностроительный завод 92 им. Сталина в горячий цех печником. В 1932 году у них родился второй сын. Собрав нужную сумму, купили половину дома, к которому папа постоянно что-нибудь пристраивал. 20 сентября 1943 года родилась долгожданная девочка – это я (у них был еще один сын, но он простудился и умер). Мама работала на этом же заводе, но, родив меня, уволилась. Завели корову, и мама стала заниматься домашним хозяйством, воспитывала детей – и своих, и соседских. Все у нас было нормально. Но скоро к нам пришла беда. В 1951 году папа был уволен и осужден на 10 лет по 58-й статье как враг народа.

Помню, в то утро мы были с подружкой у нее, играли. За мной приходит средний брат и говорит: «Там пришел папа (он должен был быть на работе), тебя зовут». Когда я вошла, папа сидел посреди комнаты на стуле, а какие-то люди что-то искали в комоды и шифоньере, во всех углах. Я первый раз видела папу таким расстроенным (у него даже лицо как-то потемнело).



Мординов Петр Васильевич (слева)

Мама попросила у этих людей разрешения покормить папу, они разрешили, но папа, откусив кусочек, так и не смог проглотить его. Тогда я не могла понять, что же все-таки случилось. Папу увезли на чужой машине, которая называлась «черный ворон». Только после суда мама, как смогла, объяснила мне, 7-летнему ребенку, что наш папа будет жить в другом месте и мы будем к нему ездить. Маме было очень тяжело, а я еще не все понимала. Она меня будила в 12 часов ночи, и мы с ней молились на коленях. Она говорила, что ночная молитва лучше доходит до Бога. Мы молились за папино здоровье и чтобы папу быстрее освободили. Так и не поняли, за что его посадили, можно сказать, неграмотного рабочего человека.

Моему старшему брату (он служил в армии в Кенигсберге, позднее – Калининграде, пограничником-телеграфистом) как сыну врага народа пришлось тоже пережить чуть ли не снятие с должности. Среднего брата вскоре тоже призвали в армию в стройбат. Мы с мамой остались жить вдвоем. С хозяйством, конечно, было тяжело, но корова и домашняя скотина нас спасала. Мама косила сено косой, а я серпом (конечно, опасно, но деваться было некуда – надеялись только на себя). Заго-



Брат Виктор перед уходом в армию  
и я, Галина

тавливали корове и поросенку корм – отруби и дуранду. Дуранда светлая была и вкусная, даже маслянистая. Я ее сама ела и подружек угощала. Темная дуранда была горьковатая, нам она не очень нравилась, но для скотины нормально. За скотину платили налоги молоком и яйцами. Мама на лишнюю площадь пускала квартирников, чтобы были деньги на хлеб и муку. Много раз нас обворовывали, но мы все равно выжили. Помню,

как я выстаивала большие очереди за хлебом и мукой.

В школу я пошла, когда мне не было еще 7 лет. Школьную форму мне купили хлопчатобумажную. После первой стирки она стала белесой, но на шерстяную у мамы не было денег. Фартук мама мне сшила сама из саржевой подкладки костюма моего брата. Он был блестящий, как атласный. На лето мама просила моих тетю принять меня на каникулы к ним в деревню. Однажды мне взяла путевку в пионерский лагерь мама моей подружки. Подружке бесплатно, так как ее мама работала на «Нефтегазе», а мне моя мама накопила денег и купила путевку за полную стоимость. Это было счастье.

Мы с мамой ездили к папе на свидания, когда было положено. Копили продукты. Мама топила нутряное сало с чесноком, делала сладкое какао с сахаром, на шкварках пекла лепешки, коврижку с патокой. Моему папе еще очень повезло, что он находился в Сухобезводном и Буреполоме, хотя добираться туда было трудно – ехали по узкоколейке и в товарных вагонах, на которых возили бревна, заготовленные осужденными. Нам нужно было поддерживать папу, хотя он никогда ничего не просил и ни на что не жаловался. Сначала папа валил лес, а позднее за хорошее поведение и ответственное отношение к



работе его расконвоировали, он ходил по поселку и работал в котельной как печник-оператор – это была хорошая должность. И папа, и я своим детским почерком писали прошение на помилование, и оно случилось: вместо 10 лет лишения свободы он отсидел 5 лет. А его товарищи кто покончил жизнь самоубийством, кто погиб на Колыме (были высланы туда).

В 1955 году папа вернулся из мест лишения свободы и устроился на завод «Красное Сормово», решил не идти на тот завод, с которого был взят под стражу. У него была большая обида за себя и за своих товарищей, будто это все вина администрации завода. В 1958 году он ушел на пенсию из мартеновского цеха по горячему стажу и по возрасту.

Окончив 10 классов, я пошла на завод «Красное Сормово», получила должность разметчицы, встретила своего мужа, мы поженились. В 1967 году у меня родился сын. А в 1972 году – второй сын. Моего папу в 53 года свалил инсульт, лишение свободы сыграло свою роль. Папа получал заниженную пенсию – 67 рублей, т.к. у него много лет была не снята судимость. К счастью, ему встретился добрый, бескорыстный, честный и умный человек с высшим образованием – Лившиц Клара Марковна. У нее был осужден брат. Поехав в Москву по своей работе, она взяла документы моего папы и стала ходатайствовать о правильном начислении пенсии. Папа стал получать пенсию 113 рублей.

Папа умер в 1979 году в возрасте 72-х лет. 19 лет был прикован к креслу, но у него не было инвалидности. Мама прожила до 96 лет. 12 лет была слепая, инвалид I группы. Жила со мной. Сейчас я живу одна, но дети помогают, я им тоже, по силе возможности. Я счастливая мама и бабушка четырех внуков.



Мария Федоровна  
КИСЛОВА

Мои родители – Федор Иосифович и Марфа Захаровна Кудрявцевы – были уроженцами села Воронцовка Бутурлинского района Воронежской области. Они жили вместе с родителями отца и тремя его братьями одной дружной семьей. Это была трудолюбивая семья – они своими силами построили большой дом, мельницу и, естественно, попали под раскулачивание.

Всю их большую семью выселили из дома, отобрали все имущество, отвезли в телегах на станцию и в «телячьих» вагонах отправили на поселение в нынешнюю Республику Саха.

Ехали они очень долго. У моих родителей уже была трехлетняя дочка, которая в дороге умерла. Когда их привезли на место, поселили в бараке. У папы была специальность столяра и плотника, и он сразу стал строить жилье (барак), делать необходимую мебель, а маму как бездетную стали гонять в шахты, где было очень тяжело и холодно. Летом угнали ее на лесоповал. Однажды она не успела увернуться от падающего дерева, и ее задело. Она потеряла сознание, ее положили на мох, а там ведь вечная мерзлота, и когда она очнулась, то встать уже не могла – ее унесли на носилках. Так она заработала мокрый плеврит, кашляла всегда с кровью. Была очень больна, начались проблемы с сердцем. Рожать врачи ей не разрешали, но она рискнула, и в 1936 году родила меня, а в 1937 – мою сестру. Они жили в бараке – общежитии, но поскольку папа был строителем, то после моего рождения им дали квартиру, состоящую из комнаты и



Федор Иосифович, Марфа Захаровна,  
Мария Федоровна (Кислова), Екатерина Федоровна (справа)

кухни. Вещей у них не было. Они собрали одежду, какая была, сложили в корыто, где меня купали, меня положили сверху и с этим переехали. Так стали налаживать быт. Все это я помню из рассказов мамы. Перед войной всю семью реабилитировали, поскольку раскулачивание было «ошибкой» – у семьи Кудрявцевых никогда не было ни батраков, ни помощников.

Уехать на родину они не могли, поскольку началась война. Дедушка мобилизации уже не подлежал, а сыновей всех забрали на фронт. Старший и младший братья отца воевали вместе, под Москвой. Когда старшего ранило во время боя и он застонал, младший поднял голову, и его убило. Мой папа воевал в Японии, тоже был ранен и вернулся с войны в декабре 1945 года.

Как мы жили в войну, я хорошо помню. Мы очень голодали. Мама, такая больная, бралась за любую работу, чтобы нас прокормить. Когда мне исполнилось 7 лет, меня в школу не взяли, потому что я походила на дистрофика. В школу я пошла с 8

лет. Когда вернулся с войны папа, стало жить легче. В 1947 году тоже был голод, но все пережили.

Когда я окончила среднюю школу, решили, что мне надо учиться дальше. В Воронеже у нас были родственники, и я поехала туда поступать в пединститут, на математическое отделение. Но не хватило одного балла, и я не прошла по конкурсу. Когда я возвращалась домой (а ехала я целую неделю), познакомилась со своим будущим мужем. Он служил во флоте на Тихом океане и возвращался из отпуска. Мы с ним переписывались. Когда он отслужил, то позвал меня в Горький на свою родину. Там, где я родилась, в Якутской автономной республике, очень суровый климат, зимой были жуткие морозы, такие, что птицы, которые не успели улететь, замерзали на лету. У меня было все обморожено: щеки, нос, лоб, колени и руки. Мне очень хотелось уехать оттуда, поэтому, когда мой будущий муж предложил приехать в Горький, я рискнула и в 1956 году поехала. Вышла замуж, родила двоих детей. С работой в городе было сложно, поэтому сначала я пошла работать в торговлю, но это было не мое. Устроилась на льнокомбинат «Красный Октябрь». Проработав 8 лет, уволилась: там был скользкий график, и это не устраивало мужа – ему приходилось и по ночам, и в выходные оставаться с маленькими детьми. Потом я нашла работу на заводе электро-монтажных инструментов шлифовщицей, где проработала 25 лет до выхода на пенсию. Заслужила звание «ветеран труда». Была ударником социалистического труда, награждена почетными грамотами с занесением на доску почета. Выйдя на пенсию, я еще летом работала на турбазе «Лесная сказка».

Дочка окончила университет им. Н.И. Лобачевского, а сын в 10 лет переболел менингитом, и с учебой у него не получилось. Муж умер в 55 лет – облучился, когда уничтожали вышедшее по срокам оружие. Сын прожил 43 года. Внучка окончила Высшую школу экономики, работает. У дочери и внучки свои семьи, живут отдельно. Мы с ними часто созваниваемся, общаемся, они меня не забывают и стараются почаще навещать.

Очень жаль, что у моих родителей, у дедушки с бабушкой была такая тяжелая жизнь.

---

## Валентина Васильевна КОЗЛОВА

Хочу вам рассказать, как раскулачивали моих родителей – Василия Александровича и Клавдию Александровну Матюниных. Это происходило три раза: в 1928 году, в 1931-м и в 1937-м. В ордере на обыск от октября 1937 года прямо было указано, что он сын кулака. В этом, видимо, и была вся его вина, хотя в 1928 году он уже был раскулачен и лишен избирательных прав. А в 1931 году отец был осужден Вадским народным судом по ст. 61-УК и направлен на стройку Беломорканала на три года. В это время мама осталась одна с пятью детьми. Павлу было 13 лет, Мише 9 лет, Пете 7 лет, Марусе 4 года и мне 1 год. Два старших брата жили уже в Горьком, работали на заводе им. Фрунзе. За хорошую работу папу отпустили раньше. Он вернулся в Пьянский-Перевоз, где стал работать старшим пекарем. Но в покое его не оставили и обвинили уже в контрреволюционной агитации, в связях с церковниками и в других смертных грехах, не установленных никакими экспертизами. Разве что доносами тех людей, с которыми он вместе трудился. Был у него сменщик, который работал не по своей профессии. Выпечку папину разбирали быстро (он был настоящий пекарь!), а выпечку сменщика никто не брал, и она отправлялась сразу в квашню. Он-то со злости и писал всякую ерунду о папе в милицию, откуда его записочки попадали в прокуратуру. Эти записочки (неумелой рукой на лоскутках бумаги) я сама читала, когда мне предоставили папку с документами по папиному делу.



Супруги Матюнины 1913 год

В 1937 году В.А. Матюнина осудили на 10 лет ИТЛ и тут же отправили в Башлаг – стройку десятилетий. Дом у нас отобрали. Жили мы в бане, которую нам кто-то отдал. Нас с мамой осталось четверо, старший брат уехал в город. В марте 1938 года нам прислали письмо, в котором было написано: «24 марта 1938 года Матюнин В.А. умер». Прошло всего пять месяцев после суда. Папа не мог умереть сам! Он был здоровый, сильный мужчина (ведь тесто тогда месили руками), и у него были такие большие мускулы! Просто он был порядочный, справедливый человек, а таких тогда не любили, да и сейчас не жалуют.

Несмотря на то, что семью нашу раскулачили, трех моих братьев на фронт Великой Отечественной взяли. Двое из них

погибли. Младший Петя – в 19 лет на Курской дуге, а Миша пропал без вести в 1944 году в 22 года. Они жизни-то еще не видели... От Павла, который вернулся, два месяца не было ни весточки. Мама пала духом, говорила: «Значит, и Павел погиб...». Она заболела двусторонним воспалением легких, и я – вместе с ней. Нас положили в больницу, но мама не выжила, умерла в январе 1945 года. А потом Павел прислал письмо о том, что они «были в окружении, но выбрались». Мама об этом уже не узнала... А как учились мои братья! Все стены в школе были в их похвальных грамотах, им всегда давали премии.

Я выздоровела. А вскоре закончилась война. Жили мы со старшей сестрой Машей в Перевозе. Ей 18, мне 15 лет. Ох, и плакали мы с ней по всем, кого потеряли. Летом 1946 года приехал к нам из Горького с Автозавода вербовщик, записывал всех желающих пойти в ремесленное училище. Я записалась. Дождалась Машу с работы и преподнесла ей «радость». И мы опять заплакали. Вот так я стала городской. Дальше были два года учебы в РУ № 1, специальность «токарь». В ремесленном было хорошо. Хлеба давали 700 граммов, и питание было три раза в день. Правда, нам, 25-ти девчонкам, все равно не хватало. Мы все одолевали нашего мастера по практике Казакова Павла Николаевича: «Ну, когда же мы хлеба наедемся досыта?!» А он, фронтовик с ранением в ногу, все нас уговаривал: «Наедитесь, девчонки, наедитесь! Потерпите еще немного». Мастер был нам как отец. Своих детей у него не было, нас он никогда не обижал. Нам он казался старым, а ему было всего 33 года, как моему внуку Роману! В 1947 году наше желание сбылось – отменили карточки, хлеба ели досыта. Через год нас выпустили из училища на родной ГАЗ. До 1957 года жила я в общежитии. Вышла замуж, родила двух сыновей – Михаила и Александра. Прожила 25 лет со свекровью, в 1976 году мне дали квартиру на Северном поселке, где я и сейчас живу с сыном, снохой и внуком. А еще у меня есть два правнука 16 и 13 лет. Сестра Мария живет в Свердловской области. Из нашей с ней родни больше никого не осталось.



## Юлия Александровна МИТНЕВА

Мой отец Перепелов Александр Михайлович родился 20.02.1896 года в селе Красное Арзамасского района Нижегородской губернии. Окончил начальную школу в с. Красном. Во время Первой мировой войны (с августа 1915 по июль 1917 г.) служил рядовым 33-го Елецкого полка. С июля 1917 работал в своем хозяйстве. В январе 1927 года стал председателем Красносельского общества потребителей (сельпо). А через год (с мая 1928 года) его назначили председателем Красносельского колхоза «Мировой Октябрь», затем, вплоть до 1937 года, он работал председателем Чернухинского, Мотовиловского, Слизневского колхозов Арзамасского района.

Может показаться, что он был человек неуживчивый, поэтому часто менял место работы. Но это не так. В конце 20-х – начале 30-х годов Советская власть решила организовать все сельское хозяйство в колхозы. Дело новое, и никто не знал, как это делать. Нужны были люди порядочные и деловые. В селе Красном поручили организовать колхоз Александру Михайловичу. В течение трех лет колхоз был создан, причем на добровольных началах, кто не хотел вступать, того не неволили. Село очень большое, поэтому добровольцев оказалось достаточно. Колхоз хорошо функционировал. В руководящих органах района решили, что этот человек способен и в других местах сделать то же самое.

В 1931 году отец вступил в партию, но в 1937 году Арзамаским райкомом ВКП(б) исключен из партии в связи с арестом.



Мама, Наталья Федоровна

Отец был обвинен по статье 58 п. 7 УК РСФСР. В это время семья Перепелова Александра Михайловича состояла из пяти человек: мать Мария Павловна, 78 лет, жена Наталья Федоровна, 39 лет, сын Алексей, 12 лет, и две дочери – Юлия, 6 лет, и Елена, 8 месяцев.

Мне было всего шесть лет, но я хорошо запомнила день ареста. 1937 год, сентябрь, вечер. Вся семья сидит за столом, ждем к ужину отца, он вот-вот должен прийти с работы. Вдруг слышим, что кто-то заходит в коридор, открывается дверь. Но это не отец, а чужой мужчина. Он говорит маме: «Александра Михайловича арестовали. Прямо на работу приехал «черный воронок». Он успел только сказать, чтобы сообщили семье». Я впервые почувствовала такой страх и такую тоску, что до сих пор при этом воспоминании меня бросает в жар.

В то время мы с сестрой Зоей ходили в детсад. Не помню, какой был месяц, но уже выпал снег и морозило. Я Зою везла на салазках (мне 6 лет. Зое – 3 года). Мы зашли в раздевалку, и вдруг входит заведующая детсадом Евдокия Ивановна Круглова и говорит: «Не раздевайтесь, погрейтесь у печки и идите домой. Вас из детсада исключили». Я не знала слова «исключили», смотрю с недоумением. Одна родительница мне шепчет: «Вас выгнали из детсада». Я ничего не понимала – за что, почему? Но мое сердечко разрывалось от боли.

Уже на следующий год, весной, в марте или в апреле, сидим, ужинаем. Старший брат Алексей, живой, озорной, никогда не унывающий, присмирел, вот-вот заплачет. Мама его спрашивает



ет: «Что с тобой?» Он разрыдался и сказал, что его исключили из школы (он учился в 6-м классе). Директор сказал, что детей врагов народа они учить не будут. Мама ходила в школу, узнала, в чем дело. Оказывается, дети поймали воробья и на уроке немецкого выпустили его в классе. Пригласили директора. Он спросил, кто это сделал. Наш Алексей взял всю вину на себя, хотя был не виновен. Результат – исключение из школы. Слезы мамы не возымели никакого действия. Видимо, нужна была пустяковая причина, чтобы избавиться от сына «врага народа», хотя Сталин и провозгласил, что «сын за отца не отвечает».

На следующий год я должна была идти учиться и боялась, что меня тоже в школу не возьмут. Детский страх – это ужасно, он остается на всю жизнь. И вот начался учебный год. Школа рядом, в доме раскулаченных и сосланных Жулиных – пять минут от дома. Утром я, конечно, приготовилась, но не иду, медлю. Бабушка спрашивает: «Ты что, хочешь опоздать в первый день?» А у меня на душе такой страх, такой стыд. Вот сейчас меня при всех выгонят. Скажут, что я дочь «врага народа», таких мы не принимаем. Дошла до Горячкина дома, что напротив школы, и за углом спряталась, выглядываю. Около школы собрались все ребятишки, мои соседки, подружки. Позвенел звонок, все ушли в класс. Я села на школьное крылечко и не знаю, что мне делать. Техничкой в школе была Кречина Анна. Она дала звонок и, когда дети уселись, вышла. Спрашивает, почему я не в классе. Рассказала обо мне учительнице, Евдокии Петровне, и та позвала меня в класс. И только тогда у меня отлегло от сердца.

В это время и в государстве, и на местах было какое-то послабление. Кое-кого выпускали из тюрем. В детсаду поменялось руководство, и мои сестренки Зоя и Лена ходили в детсад.

Мой отец сидел в лагерях ГУЛАГа «Тавда», «Буреполом», «Севлаг». В мае 1941 года он был оправдан, реабилитирован и в сентябре 1941 года восстановлен в членах ВКП(б). Вспоминаю, как папа пришел из тюрьмы. В мае мы еще учились, уж не помню кто прибегает в класс и говорит: «Юлька, у вас отец из тюрьмы пришел». Дома у нас никого не было. Бабушка к этому

времени умерла, мама и брат Алексей работали на строительстве дороги Арзамас–Ардатов. В это время в колхозе было затишь, все посеяли, и каждая семья из сел, находящихся рядом с дорогой, должна была уложить в полотно дороги 20 кубометров земли. Мама и Алексей носили на носилках землю и высыпали ее на насыпь. Сверху насыпали песок, потом щебенку, все вручную утрамбовывали, а верхний слой был из булыжника, так как ни асфальта, ни цемента тогда не было.

Я прибегаю, у нашего дома в окружении соседей стоит старичок, совершенно седой, без зубов, очень худой и изможденный (было ему в то время 45 лет, а весил он 46 кг). Я так потерялась: а где же папа? В моих воспоминаниях он был невысокий, с легкой проседью в волосах. Старик идет мне навстречу, меня к нему подталкивают, он меня обнимает, целует. А я в это время думаю, что вот теперь мы не дети «врага народа», а обыкновенные дети и нас ниоткуда не исключат.

10 января 1942 года отца призвали на фронт. Он участвовал в обороне Москвы, награжден медалью «За оборону Москвы». Был ранен осколком мины навывлет в правую ногу, лежал в госпитале. В ноябре 1942 года признан негодным для дальнейшего участия в войне и демобилизован.

Отец работал закупщиком в Красносельском сельпо. В марте 1943 г. его назначили председателем колхоза «Привет» Арзамасского р-на. Хозяйство было в очень плохом состоянии. За 4 года Александр Михайлович вывел его в число передовых в районе. В колхозе было животноводство, полеводство и овощеводство. Всю продукцию сдавали в первую очередь государству, на семена, на фураж скоту. Все, что оставалось, выдавали на трудодни работникам. Колхозники не голодали, в каждом дворе держали или корову, или козу, обязательно были овцы и поросята.

В Слизневе (это 20 км от Арзамаса) испокон веку носили лапти с онучами (онучи – это вроде портянок, но связанные из шерсти), обматывали ими ноги до колен, надевали лапти и в них выполняли всю работу на дому и в колхозе. В выходные и праздничные дни – зимой валенки, летом резиновые галоши

с шерстяными белыми чулками до колен. Село Слизнево небольшое, лесов рядом нет. Печи в то время топили соломой и кизяком (коровьи лепешки, смешанные с соломой и просушенные на солнце).

В марте 1947 г. Александра Михайловича перевели на работу председателем Красносельского колхоза «Мировой Октябрь». В те времена членов партии переводили туда, где надо было укрепить какой-то участок работы (собственное желание не учитывалось). В этом колхозе Александр Михайлович проработал до выхода на пенсию в 1956 г. Но и на пенсии его всегда привлекали на общественную работу. Например, проверить, как обстоят дела на ферме, в полеводческой бригаде, провести ревизию в магазине или на складе. Он был человек очень ответственный, и общественную, бесплатную работу выполнял добросовестно. У нас в доме хранились черновики различных актов, предложений, справок об улучшении той или иной работы. К сожалению, все сгорело в пожаре 1959 года. Умер отец 25.05.1964 года и похоронен в его родном селе Красное.

Моя мама Перепелова (в девичестве Корчагина) Наталья Федоровна родилась 24 августа 1898 года в д. Хватовка Арзамасского района Нижегородской области. Окончила два класса сельской школы. Ее отец Федор Иванович Корчагин занимался извозом. Хватовка, где они жили, находилась в 2-х км от станции Арзамас-1, и для извоза там всегда находилась работа. Мать Прасковья Семеновна работала по дому. Семья была среднего достатка: была своя земля, лошадь, корова и другой мелкий скот. Дом был небольшой, деревянный.

У бабушки, по-видимому, было повышенное кровяное давление, случился инсульт, и она восемь лет лежала парализованная. Все домашние дела легли на плечи моей мамы и ее брата Федора. В двадцать лет (в 1918 г.) мама вышла замуж в соседнее село Красное. До образования колхозов работала в своем хозяйстве, две дочери 6-ти и 8-ми лет умерли в 1929 году от эпидемии скарлатины. Когда стали образовываться колхозы, мама работала телятницей в колхозе. Когда арестовали мужа, начала работать в государственном сортоиспытательном участ-

ке, расположенном на землях колхоза «Мировой Октябрь». В ГСУ испытывали разные сорта зерновых культур (на морозоустойчивость, на выносливость при засухах и прочее), выращивали элитные сорта семян для земель и климата Горьковской области. Когда отец вернулся, она переехала в с. Слизнево и больше не работала, была домохозяйкой. В 1977 году у мамы случился инсульт, ее парализовало. Жила она у меня. Умерла в 1985 году в г. Кстово, похоронена рядом с мужем в селе Красное.

Я родилась в 1931 году. Среднее образование получила в вечерней школе рабочей молодежи. Трудовая деятельность началась в колхозе в 1943 году. Все девочки 12–13 лет помогали матерям на прополке, когда начиналась жатва ржи, пшеницы, проса, женщины серпами жали, а девочки вязали снопы и складывали их в суслоны (несколько снопов ставили комлем вниз, прижатые друг к другу, а сверху покрывали снопами комлем сверху). Девочки постарше подавали снопы в молотилку, обмолоченное зерно складывали в мешки, а мальчишки на лошадях отвозили зерно на склад, который располагался в церкви. С 1944 года мы жили в колхозе «Привет» села Слизнево. Около реки в низине сеяли морковь, сахарную свеклу и капусту. С июня начиналась обработка посевов от сорняков. В сентябре школьники 5-7 классов помогали убирать картошку, морковь, свеклу и капусту. Учебный год начинался с октября. С 1947 года я начала работать на госсортучастке в селе Красное. В 1954 году вышла замуж за Митнева Сергея Ивановича. Жить переехали в Арзамас, так как муж работал в газете «Арзамасская правда» журналистом. В 1965 году мужа перевели в Дальне-Константиновский район редактором районной газеты. В 1977 года его назначили директором средней школы в совхоз «Нижегородец» Дальне-Константиновского района. С 1980 года он работал в г. Кстово на Нефтеперерабатывающем заводе редактором заводской многотиражки. Я работала продавцом в книжном магазине, библиотекарем, сотрудником статистического управления. В 1986 году вышла на пенсию. Мы с мужем имеем двух дочек, двух внуков, трех правнучек.

Мой брат Алексей (1925–1977 гг.) окончил неполных шесть классов. Когда началась война, мальчишек 15–17 лет посадили на лошадей, и вся работа по вспашке, боронованию земли, посеву, уборке урожая, зимой – вывозке навоза на поля, подвозке кормов к фермам легла на плечи этих мальчишек. В 1943 году Алексея призвали в армию на Восточный фронт (на войну с Японией). Демобилизовался в 1950 году. До 1977 года работал в сельпо снабженцем. Трагически погиб. Осталось трое детей – Александр, Татьяна и Елена.

Моя сестра Живова Зоя Александровна (1934 г.р.) вышла замуж и уехала в 1962 году в г. Сатка Челябинской области. Выйдя на пенсию в 1989 году, вернулась на родину в г. Арзамас. В 1992 году Виктор Иванович, Зоян муж, скончался. Зоя с мужем вырастили двух сыновей – Валерия Викторовича, сейчас он полковник в отставке, и Александра Викторовича, газоэлектросварщик 6-го разряда.

Сестра Елена, 1937 года рождения, единственная в семье получили высшее образование, окончила Ростовский институт народного хозяйства по специальности экономист. Вышла замуж за карачаевца – Байрамукова Анзора Юсуповича. У них трое детей. Сын Шамиль – инженер, дочь Тамара – финансист, дочь Наталья – экономист. Сестра Елена – ветеран труда.

Вот такая большая у нас семья. И все мы очень счастливы, потому что у нас были и мама, и папа.



## Александр Георгиевич ШМИДТ

Когда началась Великая Отечественная война, мне едва исполнилось девять лет. Сказать, что приходилось тяжело, это не сказать ничего. Уже 8 сентября 1941 года Ленинград оказался в блокаде. Еды не было, а работать приходилось практически круглосуточно. С нами в доме жили наши советские солдаты. Они делились с нами едой, и только благодаря этому нам удалось выжить. Хлеба, правда, не давали, по тем временам это была непозволительная роскошь. Однако даже такая помощь вскоре закончилась, и нашей семье, как и многим в те годы, пришлось выживать. Уже к концу 41-ого закончилось все продовольствие. Буквально за несколько месяцев после начала блокады люди съели все запасы. В ход шло все: ели лошадей, делали лепешки из травы, главное – не умереть от голода. У меня и у моего отца началась дистрофия, мы даже вставать не могли. Выхаживала нас моя мама, не знаю, что она нам давала и где находила еду, но через какое-то время мы поднялись на ноги.

Чтобы еще больше усугубить положение ленинградцев, немцы постоянно производили обстрел. Для удержания обороны женщины и дети рыли окопы. Голодные, обессиленные, они копали замерзшую землю и верили в победу. Нашей задачей было выкопать противотанковые рвы в сторону Ладоги.

Но впереди нас ждал новый удар – высылка отца. Повод для ареста нашли быстро – немецкое происхождение. Вместе с нашей семьей на спецпоселение отправились еще несколько

десятков немецких и финских семей. Ссылали неугодных далеко – в небольшой городок вдоль притока Ангары. Именно там находился лесоповал, где и стал трудиться мой отец.

Спецпоселенцы – такой статус получила семья Шмидт. В советские времена это была особая, изощренная форма наказания. Без суда и следствия людей просто выселяли с их постоянного места проживания, как правило, в отдаленные и малообжитые уголки страны. Покидать новое место жительства строго запрещалось, в худшем случае человек мог получить уже реальный тюремный срок. Что-то похожее произошло с моим дядей. Он жил на Украине. Во время ссылки решил вернуться к себе на родину, там у него остались жена и ребенок. За ним приехали сотрудники КГБ. Дяде дали десять лет заключения.

Только спустя десятки лет, во время так называемой хрущевской оттепели, с семьи Шмидт сняли позорное определение спецпоселенцев. Но переехать обратно в Ленинград нам так и не удалось. Когда мне исполнилось 18 лет, я пошел работать строителем. объездил всю страну. Волей случая моего начальника перевели в город Горький, я отправился за ним. Так ленинградец стал нижегородцем.

Однако мысли о родном доме, который пришлось покинуть в страшные годы блокады, не давали мне покоя. Во время перестройки я приехал в Ленинград, чтобы восстановить право на землю, где находился наш дом. Увы, процесс оказался сложным и дорогостоящим. Вернулся в Нижний Новгород. Я оптимист, несмотря на свой солидный возраст. И хотя значительную часть жизни пришлось провести далеко от родного города, мыслями и душой чувствую себя все тем же мальчиком из Ленинграда.



# СОДЕРЖАНИЕ

---

Вместо предисловия .....	3
Материалы и документы политических репрессий .....	6
Комиссия при Губернаторе Нижегородской области по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий .....	20
Памятные знаки жертвам политических репрессий на территории Нижегородской области .....	23
Справочный указатель реабилитированных жертв политических репрессий на территории Нижего- родской области .....	37
Новые воспоминания детей «врагов народа» .....	42
Амелина Марина Георгиевна .....	42
Виноградова Людмила Леонтьевна .....	50
Гончарова Тамара Владимировна .....	53
Гришанова Акулина Петровна .....	57
Еремкина Альбина Борисовна .....	60
Жильцова Надежда Николаевна .....	66
Калиш Майя Станиславовна .....	70
Кириченко Галина Петровна .....	74
Кислова Мария Федоровна .....	78
Козлова Валентина Васильевна .....	81
Митнева Юлия Александровна .....	84
Шмидт Александр Георгиевич .....	91

ЛИНИЯ СУДЬБЫ  
*Справочно-информационные материалы  
о политических репрессиях  
в Нижегородской области*

*Мнение авторов сборника может не совпадать  
с мнением редакции*

Формат 60×84 1/16  
Тираж 300 экз. Заказ № 000.

Отпечатано в типографии ННГУ им. Н.И. Лобачевского  
Нижегород, Б. Покровская, 37